

Лин Шу опешил от неожиданности.

— Ваше Величество, к чему эти речи?

— Он увел войска из земель Гуаньчжуна, а после увязался за помощником министра Цзином и явился в Лоян, — раздраженно бросил Ян Тао. — И только что этот наглец битых два часа изводил меня своими бесстыдными требованиями. Заявил, что если я не отдам тебя ему, он засядет на Трех заставах, откажется уходить и продолжит бесчинствовать на наших рубежах. Сколько сил ушло, чтобы выторговать хоть какую-то уступку! Но взамен он потребовал увеличить ежегодную дань — еще двадцать тысяч ланов серебра и двадцать тысяч отрезов шелка сверху. И что, по-твоему, мне оставалось делать в такое время, когда империю раздирают внутренние распри и внешние угрозы? Пришлось пойти на уловку и временно согласиться.

Лин Шу заметно вздрогнул.

— Ваше Величество, я не считаю, что стою стольких ланов серебра и рулонов шелка, — тихо произнес он. — Если вы не желаете увеличивать дань... я готов уехать с ним в город Юньчжун.

Эти слова привели Ян Тао в бешенство. Ему дико захотелось подскочить и хорошенько пнуть этого упрянца, но, помня о прошлом горьком уроке, он сдержался. Подавив гнев, государь лишь сжал кулаки до побелевших костяшек и долго, тяжело смотрел на Лин Шу сбоку.

Лин Шу уже несколько месяцев томился в добровольном заточении, почти не выходя из своего дворика. Кожа его еще сильнее побледнела, непослушные пряди небрежно падали на лоб, а во всем облике сквозила отрешенная, усталая покорность. Ян Тао окинул его взглядом с головы до ног, но так и не смог разглядеть, что же в нем находят другие. Внутри у императора все klokотало от досады.

— Значит, считаешь себя дешевкой? — с ледяной усмешкой процедил он. — И в этом причина твоей нынешней распущенности?

Щеки Лин Шу вспыхнули румянцем. Он вскинул голову, силясь оправдаться:

— Я... да как вы можете...

Но в памяти тут же воскресло то безумное бесстыдство, что произошло между ним и Ян Е во дворце Сицзя. Голос сорвался. Налетевшее упрямство вновь сковало его черты, и Лин Шу, опустив голову, угрюмо замолчал.

Ян Тао ловил малейшие изменения в его лице. Поняв, что молчание означает признание, государь распалился еще сильнее.

— Вижу, ты спишь и видишь, как бы сбежать в эту вашу Сицзя и дальше предаваться там блуду, — ледяным тоном произнес он. — Вот только я растил тебя все эти годы не для того, чтобы отпустить задарма! Поумерь свой пыл и сиди смирно — очень скоро для тебя найдется дело. Конечно, если постыдная страсть совсем лишила тебя разума и ты больше не желаешь служить

мне, силой я тебя держать не стану. Пусть все останется на твоей совести!

Император развернулся к выходу, но у самого порога внезапно замер.

За дверью выстроились евнухи с лакированными подносами в руках. Заслышав, как грозно повелитель отчитывает провинившегося, они благоразумно отступили подальше, усердно притворяясь глухими. Стоило государю показаться на пороге, как слуги поспешно вернулись на свои места.

Ян Тао окинул их коротким взглядом и вновь обернулся к Лин Шу:

— Хоть ты и не оправдал моих надежд, оставлять тебя замерзать я не намерен. Здесь теплая одежда к празднику и серебро. Забирай и избавь меня от благодарностей — обойдусь. Да, и возьми еще вот это...

Впереди всех стоял Хэ Цинчунь. На его подносе из черного лакированного дерева покоился изысканный пояс, украшенный пластинами темно-красного нефрита. Камни, гладкие и теплые на вид, были нанизаны на прочный черный шнур с золотой нитью, а промежутки между ними пестрели мелкими коралловыми бусинами. С левого бока свисала резная подвеска размером с кулак, изображающая двух неразлучных рыб. Пояс был сработан столь тонко и искусно, что с первого взгляда становилась ясна его баснословная цена.

Ян Тао подцепил пояс двумя пальцами, приподнял и окинул его оценивающим взглядом.

— Этот красный нефрит привезли из южного города Пугана, в наших краях такой сыщешь нечасто. Я велел изготовить его специально для тебя. Пряжка тут с секретом, постороннему ни за что не разобраться. Сейчас Хэ Цинчунь объяснит тебе, как с ней управляться. Пока ты послушно сидишь под арестом в Верховном суде — все прекрасно. Но если вздумаешь выйти за порог, потрудись затягивать пояс покрепче, да смотри не позволяй первому встречному его распускать. — Император скользнул равнодушным взглядом по столу с недоеденным обедом Лин Шу и сухо добавил: — Садись за стол. Если все остыло, вели слугам разогреть.

С этими словами он небрежно бросил тяжелый пояс Лин Шу. Тот едва успел поймать его.

Дун Чунь и Дун Гэ торопливо принялись забирать и пересчитывать подношения. Хэ Цинчунь, повинувшись долгу, вошел в комнату, чтобы объяснить, как устроен хитрый замок. Однако, натолкнувшись на ледяной, полный глухой ярости взгляд Лин Шу, евнух невольно сжался и боязливо прошептал:

— Господин Лин, Его Величество распорядился подготовить эти дары еще полмесяца назад. Сами извольте видеть, какая это великая милость и как высоко вас ценят.

Лин Шу замер в оцепенении, но когда смысл издевательской фразы императора о «затянutom пояске» наконец дошел до него, щеки обожгло, словно от укола сотен раскаленных игл. Какая уж тут еда... Обида и гнев мгновенно затопили его разум.

Его знаменитый меч Чжэньбин висел на стене неподалеку. Резко вскочив, Лин Шу швырнул драгоценный кушак на стол и рванулся к оружию. Перепуганный Хэ Цинчунь с воплем отпрянул на несколько шагов назад, едва не повалившись на пол.

— Господин... Господин Лин!.. — затрясся евнух.

Не обращая на него внимания, Лин Шу устремился к выходу. Дун Чунь и Дун Гэ, стоявшие по обе стороны от дверей, так и обомлели при виде обнаженного клинка. Они мертвой хваткой вцепились в его рукава:

— Господин! Куда же вы? Господин!

— Я иду убить этого выродка Цзинь Яжэня, — глухо бросил Лин Шу.

Дун Чунь не выпускал его одежды, отчаянно заклиная:

— Господин, опомнитесь! Да Его Величество еще до переднего двора не дошел!

— Пусти! — прикрикнул Лин Шу, стряхивая чужие руки.

Он стремительно пошел по крытой галерее к выходу. Но стоило ему пробежать до ворот Чжуйхуа, как перед ним выросла высокая фигура.

Это был Ян Тао.

Они едва не столкнулись лбами. Лин Шу порывисто отступил, а испуганный император шарахнулся назад чуть не на десять шагов и лишь тогда закричал:

— С ума сошел?! Что ты задумал?!

Увидев в руке Лин Шу обнаженный клинок и бешеную ярость в глазах, государь мгновенно все понял.

— Кого ты собрался убить?!

Как оказалось, император не успел уйти далеко и, услышав шум, поспешил вернуться.

— Ваше Величество, между мной и этим мерзавцем нет и никогда не было никакой связи, — твердо произнес Лин Шу. — Все его требования — лишь попытка поиздеваться надо мной. И потом, если бы не его вероломное вторжение, генерал Ло не погиб бы столь бесславной смертью. Я умоляю Ваше Величество: позвольте мне отсечь ему голову и разом покончить со всем этим!

При упоминании давней истории с генералом Ло Ином Ян Тао скривился от досады. Он смерил Лин Шу ледяным, колющим взглядом:

— Может, ты тогда начнешь с меня и сначала пронзишь мечом своего императора?

Лин Шу мгновенно опустился на одно колено:

— Покорный слуга не посмеет.

Ян Тао горько усмехнулся:

— В прошлый раз ты уже рвался наказать Ян Е. И чем все закончилось? Такой грязной историей, о которой теперь судачит вся Поднебесная! Тебе самому-то не стыдно? Я не позволю тебе наступить на те же грабли. Думаешь, мне самому не хотелось прикончить этого проходимца прямо за столом переговоров? Но этот мерзавец все просчитал. Его войска уже приведены в полную боевую готовность: случись с ним что в Лояне, лазутчики в три счета откроют ворота на Трех заставах, и армия Сицзя хлынет на наши земли. Так что уймись. В нынешней смуте тебе лучше сидеть тише воды, ниже травы.

Он сделал несколько медленных шагов по галерее, вновь покосился на коленопреклоненного юношу, и тон его стал заметно мягче:

— Будет еще время пролить кровь, наберись терпения. На западе, в Чанъане, полно тех, кому давно пора отрубить головы, а они до сих пор топчут эту землю. — Император замолчал и мгновение спустя сухо бросил свите: — Возвращаемся в покои.

Государь покинул двор, однако оставил у ворот десяток личных дворцовых стражей. Им велели бдительно следить за Лин Шу, дабы тот в порыве гнева не сбежал и не натворил бед. Император собирался отозвать охрану лишь тогда, когда Цзинь Яжэнь окончательно покинет Лоян.

Лин Шу растерянно смотрел вслед уходящей свите, без конца повторяя про себя: «Запад... Чанъань». Отрезанный от мира на долгие месяцы, он ничего не знал о происходящем в государстве.

К нему поспешил Дун Гэ, осторожно помогая подняться с колен. Лин Шу повернул к нему бледное лицо:

— Что творится в Чанъане?

— Ваш слуга и сам ведает лишь понаслышке, — понизив голос, ответил Дун Гэ. — Шепчутся, будто Князь Чжао поднял открытый мятеж и пробился к самому Чанъаню. Да еще и провиантом его снабжает не кто иной, как старый князь Цэнь. Должно быть, оттого Его Величество так сильно и тревожится.

Чанъань

Там, в самом сердце древней столицы, Князь Чжао Ян Си вместе с Ян Е вынуждены были терпеть чужое высокомерие и презрительные взгляды. Впрочем, верный своему правилу не препираться с женщинами, Ян Си лишь благожелательно улыбался, снося обиду.

В поместье князя Цэня старшая уездная принцесса Цэнь Вэньцзян на сей раз решила пренебречь приличиями. Охваченная негодованием, она вышла из-за резной ширмы и ледяным тоном бросила:

— Ваше Высочество, к чему вы притащили сюда эту гору отрубленных голов? Мой отец стар и слаб здоровьем, ему незачем лицезреть подобную мерзость, полную предсмертной злобы и крови! Немедленно унесите это прочь!

Она слыла первейшей красавицей земель Гуаньчжуна и по праву звалась одной из двух «жемчужин Чаньаня». Разумеется, стоило ей явиться, как Ян Си и Ян Е не упустили случая получше рассмотреть уездную принцессу.

Едва завидев прелестный лик Цэнь Вэньцзян, оба молодых человека замерли в восхищении.

"Какова чертовка! Настоящая богиня, краше всех куртизанок, с которыми я когда-либо делил ложе!" — мысленно ахнул Ян Е.

В свои девятнадцать лет старшая уездная принцесса являла собой вершину изящества. Высоко уложенные волосы венчали тяжелые жемчужные заколки. Одета она была в роскошное парчовое платье сапфирового цвета с узорами облаков и золотой каймой с изображением пионов, поверх которого куталась в пушистую накидку из меха чернобурой лисицы. В руках девица держала изящную медную жаровню. Ее красота, далекая от пустой кокетливой миловидности обычных барышень, дышала благородством, статью и скрытой силой. Длинные, раскосые фениксовые глаза тянулись к самым вискам, а взгляд казался острым, как лезвие кинжала.

Почувствовав на себе нескромный взор Ян Е, Цэнь Вэньцзян брезгливо нахмурилась. Заметив это, гуляка поспешно опустил ресницы и уставился в пол, изо всех сил стараясь походить на благообразного и благочестивого мужа.

Ян Си вежливо улыбнулся и склонился в изящном поклоне:

— Ничтожный князь приветствует почтенную принцессу.

Цэнь Вэньцзян лишь презрительно хмыкнула, даже не сделав попытки поклониться в ответ. Ян Си спокойно встретил ее взгляд и продолжил ровным голосом:

— В свое время старый князь Цэнь обещал принять меня, едва нога последнего воина Сицзя покинет пределы Гуаньчжуна. Ныне год близится к концу. Моя армия живет в крайней скудости, оттого богатых подношений к празднику мне взять негде. Я привез эти головы — трофеи моих храбрецов. Пусть они послужат скромной платой за слезы и муки жителей Гуаньчжуна. Но ежели принцессе сей дар кажется неуместным, я сию же секунду велю убрать и закопать его.

Держался он столь учтиво, а говорил так кротко, что Цэнь Вэньцзян не нашлась как возразить. Сделав несколько кругов по залу, она наконец произнесла:

— Я принимаю подношение Чжао-вана от имени моего отца. Хотя я и женщина, но прекрасно

понимаю, ради чего вы проделали этот путь. По милости прежнего императора наша семья носит титул единственного инородного князя в империи Да Янь. Естественно, мы обязаны обдумывать каждый свой шаг, дабы не давать злым языкам повода для наветов. Неужели Ваше Высочество непременно желает ввергнуть мою семью в пучину гибельных бедствий?

Ян Си поспешно заговорил:

— Ничтожный князь не посмел бы и помыслить о подобном! Сердце мое полно признательности за щедрую помощь старого князя Цэня, и я прибыл лишь с тем, чтобы лично выразить глубокую благодарность. У меня нет иных помыслов, прошу вас, не считите за лукавство. Ну а если уездной принцессе не пришелся по нраву этот подарок, я готов пойти по миру, но раздобыть для вас достойное подношение. Умоляю, не отвергайте моего усердия.

Цэнь Вэньцзян с трудом сдержала досаду:

— Избавьте меня от этого! И соблаговолите поскорее покинуть Чанъянь.

— Но как я могу покинуть город, не высказав почтения самому Старому князю Цэню? — мягко, но настойчиво возразил Ян Си. — Прошу уездную принцессу соблаговолить известить его о моем визите.

Цэнь Вэньцзян уже теряла терпение от его настырности, когда в зал торопливо вошел старый слуга. Поклонившись, он сообщил, что Старый князь Цэнь выражает глубокую признательность за новогодний дар и приглашает Князя Чжао завтра отобедать в Западной цветочной гостиной в саду усадьбы. Князь также настоятельно просил пожаловать вместе с маркизом Хуайнанем, генералом Бэйчэнем и прочими доблестными военачальниками, дабы старик мог лично засвидетельствовать им свое почтение.

Ян Си мгновенно ухватился за эту возможность:

— Премного благодарен Его Светлости за милость! В таком случае не смею более отнимать ваше драгоценное время. Мы откланиваемся и завтра прибудем точно к назначенному часу.

Оставив ошеломленную Цэнь Вэньцзян стоять посреди залы в немом изумлении, он увлек за собой Ян Е и поспешно покинул поместье.

Едва гости скрылись за воротами, принцесса дала волю гневу. Пылая яростью, она стремительно направилась в личные покои отца.

— Отец, ты совсем лишился разума?! — с порога воскликнула она. — Зачем ты ведешь с ним дела? Если слухи достигнут столицы, император непременно заподозрит измену, и нашей спокойной жизни придет конец!

Она осеклась на полуслове, заметив, что напротив отца сидит гость — господин Жэнь Гуань, гостивший в их поместье уже долгое время.

Старый князь безмерно уважал этого человека, поэтому Цэнь Вэньцзян не посмела заходить слишком далеко. Она тут же умерила свой пыл, скромно сложила руки перед грудью и склонилась в изящном поклоне:

— Дядюшка Жэнь, простите племяннице мою грубость и дерзость.

Жэнь Гуань добродушно улыбнулся:

— Принцессе не стоит извиняться, пустяки.

Цэнь Цзинь недовольно покосился на дочь:

— Ты заботишься лишь о сиюминутном покое, но подумала ли ты о том, что ждет нас впереди? Слухи о нашей связи с Князем Чжао давно достигли Лояна, и император обо всем знает. Нас уже затянуло в этот омут, и просто так сухими из воды не выйти. Дочка, подойди-ка ко мне.

Цэнь Вэньцзян послушно сделала несколько шагов к отцу. Тот усадил ее рядом с собой и тихо продолжил:

— У меня есть свои соображения на этот счет. Мы с твоим дядюшкой Жэнем долго присматривались к Ян Си. Этот юноша — истинный самородок. Да, сейчас он подобен тигру, спустившемуся на равнину, — загнан в угол и терпит лишения. Но если мы протянем ему руку помощи в столь отчаянный час, он всю жизнь будет благодарен нам. Я уже глубокий старик, наследников у меня нет, только вы с Умэй. На наше огромное богатство и земли зарятся слишком многие. Пока я жив, я могу оберегать вас, но кто встанет на вашу защиту, когда я уйду в мир иной? Даже если ты приведешь в дом мужа... Да взять хоть этого твоего стражника Чу! Он не сумел уберечь даже Округ Сячжоу, разве под силу ему сохранить наше достояние от стаи хищников?

<http://bllate.org/book/19546/1998821>